

06.10.2004 00:00:00

Достоевский как зеркало "консервативной революции"

Анджей де (/authors/12138/)

Об авторе: Анджей де Лазари - польский литературовед. Автор книги "В кругу Федора Достоевского. Почвенничество".

Теги: достоевский (/search/tags/?tags=достоевский), православие (/search/tags/?tags=православие), спасение (/search/tags/?tags=спасение)

Политическая мысль полна всяких мифологем, но, если бы я объявил Польшу согласно польской романтической традиции "Христом народов", меня, без сомнения, и в Польше, и в России отослали бы к психиатру. А вот Александра Дугина никто не отсылает. Он по-прежнему советник не одного, казалось бы, здорового политика и генерала. Когда мои русские коллеги-литературоведы спрашивают: "Что ты все о Дугине? Ведь его никто не знает", я им советую заглянуть в интернет и посмотреть, во сколько раз больше там Дугина, чем их. То же самое в книжных магазинах. Так уж этот мир устроен, что литературоведы редко влияют на сознание общества. У политиков возможностей побольше, и они в отличие от нас не стесняются для пользы своей "партийности" злоупотреблять историей.

Вот, например, Геннадий Зюганов в идеологической работе "География победы: основы российской геополитики" утверждает: "Осознание того фундаментального геополитического факта, что Россия является евразийским государством, оказало огромное влияние на русскую философскую и политическую мысль... С поворотом нашей политики к Востоку пробудился интерес к нему и в русской общественной мысли. Наиболее точно это выразил Достоевский. В своем "Дневнике писателя" он провидчески отмечал, что "Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того, в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!" Далее Зюганов доказывает правоту Достоевского, одновременно утверждая: "В советское время традиция "поворота к Востоку" не только не прервалась, но получила новые импульсы развития. Именно среди народов Востока Советская Россия находила союзников для противостояния нажиму и шантажу Запада".

Дугин идет дальше. В его "партийности" Достоевский становится главным идеологом евразийства, а антикатолический монолог князя Мышкина - "программой русской Консервативной Революции".

В статье "Русские игры "Ленкома" Дугин ставит вопрос: "А кем, собственно, по политическим убеждениям был Федор Михайлович?" И радостно, без всякого стеснения отвечает: "Он совмещал радикальный национализм, русское мессианство, граничащее в его случае с ксенофобией, и стремление к радикальным, революционным преобразованиям, к выведению в России "нового человека", архетипически сочетающего в себе укорененность в почве, в духовной, культурной, психологической русской стихии, с модернистическим порывом в будущее, с обостренным чувством общественной и государственной правды. Это сочетание "правого" (национального, религиозного, "коричневого") и "левого" (прогрессивного, социалистического, народнического, "красного") составляет сущность того, что называется "Консервативной Революцией". Иными словами, в нашем сегодняшнем обществе Достоевский, без сомнения, был бы причислен к "красно-коричневым", окрещен реформаторами "фашистом" или "национал-большевиком"...

Таких цитат можно было бы привести несчетное количество. Но Достоевский ни в чем не виноват. Он лишь служит, как всякий важный в истории человек, поставщиком цитат для самых разных мнений и интерпретаций.

Достоевский мыслил согласно своей эпохе и общественной среде. В русской политической мысли это была эпоха панславистских мечтаний, которые пошатнуло, но ненадолго, польское восстание 1863 года. "Польская война, - записал Достоевский, - есть война двух христианств - это начало будущей войны православия с католичеством, другими словами - славянского гения с европейской цивилизацией". И это высказывание вполне созвучно эпохе.

Восхищаясь книгой "Россия и Европа" историка и мыслителя-панслависта Николая Данилевского, Достоевский гораздо большее значение придавал, однако, православию как основе русской, а следовательно, общеславянской и даже мировой культуры. Автор "Бесов", расхваливая первые разделы "России и Европы", писал философу и публицисту Николаю Страхову: "...сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я все еще не уверен, что Данилевский укажет в полной силе окончательную сущность русского призвания, которое состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия".

В последующие годы, когда станет назревать конфликт с Турцией, для Достоевского в восточном вопросе "не славянство, не славизм сущность, а православие". Писатель, провозглашая Россию будущим объединителем всех славян, одновременно утверждает, что дело заключается не столько в политическом объединении (политические проблемы якобы разрешат сами), сколько в объединении религиозном: "Империю после турок должна быть не всеславянская, не греческая, не русская - каждое из этих решений не компетентно. Она должна быть православная - тогда все понятно".

Эта мысль будет обстоятельно развита на страницах "Дневника писателя". Достоевский постарается вписать свои взгляды в историю общественной мысли эпохи и скажет, что его убеждения во многих отношениях "чисто славянофильские". При этом он обратит внимание на то, что славянофильство можно понимать тройко: 1) в традиционном смысле, относя его к сороковым годам; 2) отождествляя с панславизмом; 3) как направление, которое "кроме объединения славян под началом России означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще не слыханное миром слово".

В своей историософии-эсхатологии Достоевский пойдет чуть дальше панславизма Данилевского. Писатель хочет спасти сразу весь мир, а не только одних славян. До самой смерти он будет повторять, что восточный вопрос, судьбы России, Европы и всего мира тесно сплетены с православием - панацеей от всех человеческих бед: "Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос".

Если так читать Достоевского, действительно ли неожиданным становится его "исход к Востоку" в последнем выпуске "Дневника писателя" (январь 1881 года)?

Никак нет. Здесь я согласен с мнением историка русской мысли Павла Кузнецова, что Достоевский, "борец с идолопоклонством перед Европой, смотрит тем не менее на Азию все теми же глазами европейца - "колонизатора" и "империалиста". В двух главах Дневника писателя, посвященных "азиатскому вопросу", нет даже намека на то, что Россия у Азии может чему-то научиться или хотя бы взаимодействовать с ней как с равной. Миссия России в Азии исключительно цивилизаторская, просветительская и колонизаторская, и никакая иная. Достоевский здесь проговаривается с удивительной непосредственностью: "В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы".

Никаких претензий к Достоевскому, все претензии к интерпретаторам типа Дугина, которым самим нечего сказать, и поэтому они все еще варят старую кашу. И поэтому я очень признателен президенту Владимиру Путину за слова, сказанные на открытии международного форума "Евразийская интеграция: тенденции современного развития и вызовы глобализации" 18 июня 2004 года в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева в Астане: "Это великодержавный шовинизм. Это национализм. Это личные амбиции тех, от кого зависят политические решения. И, наконец, это просто глупость. Обыкновенная пещерная глупость. Но мы с вами люди умные. И позвольте мне нашу сегодняшнюю дискуссию завершить призывом: "Умные всех стран, объединяйтесь!".

Неужели Путину придется издать во всеуслышание новый "Наказ" и повторить вслед за Екатериной II: "Россия есть держава европейская, русский народ есть народ европейский; то, что придало ему черты неевропейского народа, было временно и случайно".

Комментарии для элемента не найдены.